

A man in a dark, heavy coat and a knit hat stands in a misty forest. He holds a rifle in his right hand and a small, framed religious icon of a saint in his left hand. The forest is dense with tall, thin trees, and the ground is covered in moss and fallen leaves. The overall atmosphere is somber and mysterious.

К ВОРОТАМ РАЯ
ПРИХОДЯЩЕМУ
ОТВОРОТА НЕ
БЫВАЕТ

Михаил Темняков

18+

Михаил Темняков

К воротам рая приходящему отворота не бывает

<https://litres.ru/74500314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда сын Алексея погиб на СВО, жизнь потеряла смысл. Но однажды ночью на пороге появился его призрак. Илья предлагает отцу последний шанс: он знает тайную тропу к воротам Рая. Чтобы спасти свою душу, Алексей должен провести ночь в ледяной тайге, взяв с собой икону и ружье.

Это история о человеке, который так сильно хотел искупить грехи, что не заметил, как стал пешкой в игре потусторонних сил. Или, возможно, он просто замерзает в тайге, а все происходящее — лишь галлюцинация умирающего мозга? Ответ ждет вас за воротами.

Содержание

Боль	4
Иногда они возвращаются	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

К воротам рая приходящему отворота не бывает

Боль

На дубовом столе, вмещающем двадцать человек, стояли разномастные тарелки, полные еды. В центре — отварной рис с мёдом и изюмом. По бокам — прямоугольные тарелки со стопками блинов, их сопровождали крынки со сметаной и мёдом. Башенки водки расположились по периметру — следили за тем, чтобы каждый помянул усопшего. У сидящих гостей было по глубокой тарелке гречки с мясом, они ели и пили, угрюмо разговаривали, старались не шуметь. Боялись гнева. Чувствовали себя неловко. Алексей сидел в краю стола, за ним — сервиз: раньше на нём стояли красивые, с золотой каймой, тарелки ручной работы, купленные в самом престижном магазине города «Черешня», а теперь убраны; вместо них — одинокая чёрно-белая фотография сына, перевязанная траурной лентой цвета вельветовой тьмы. Грустные глаза парня со снимка смотрели на присутствующих взглядом неодобрительным, будто назидательным. Складывалось впечатление, что он не рад пришедшим, не ждал их на своих

похоронах. Среди всей этой толпы... Своры, как бы сказал он. Практически не было его друзей, всего двое, и то больше товарищи, одноклассники. Общение с ними прервалось после выпускного: у них появились другие интересы, круги общения. Пока они каялись, он подписывал контракт. Когда они просили прощения за весь народ, он облачался в военную форму. Отец этого не знал, да и откуда было узнать? Отношения с батей у погибшего были, не сказать чтобы плохие. Да только кто их назовёт хорошими, если вникнет?

Лицо Алексея превратилось в каменно-серое, считай, присыпали пеплом. Все морщины отобразились на нём, точно ждали только этого часа. Светлые волосы покрылись нитями седины, превращая зрелого мужчину в старика. Он выглядел постаревшим лет на двадцать. Губы поджались. Вылез второй подбородок. Он давно не был худым, но известие о гибели сына надломило его. Трагедию заедал едой, якобы поступающая в живот пища может вытеснить горе и боль утраты. Естественно, не может.

В народе Алексея окрестили «тёртым калачом» — не только за твёрдость духа (этого ему было не занимать, мог, как говорится, и поделиться), а также за деловую, уверенную хватку, умение находить общий язык с другими бизнесменами, вести дела, систематизировать работу. Многие считали, что благодаря ему город расцветал: ведь Алексей первый, кто наладил контакты с японцами, умудрился привлечь их инвестиции в город — небольшие, конечно, но и это непло-

хо; народу хватало, немного перепадало и ему.

Сейчас это не имело значения, ничто не имело значения! Возможно, важным было лишь только то, что могло утешить, помочь и хоть каплю облегчить боль на душе. Водка не помогала. Огненная вода не глушила растущий внутри гнев на весь мир, негодование и печаль. А в некотором роде — наоборот — усугубляла, выворачивала наизнанку, обнажая нутро, выпячивая чувственный нерв. Чувства, как трупные черви, роились в голове, выползали из глаз и ноздрей. Ютились в поджатых губах, заменяли слух, забиваясь в ушные каналы. Переполняли черепушку, так что казалось, она вот-вот треснет.

Люди, собравшиеся вокруг, не понимали его. Не разделили мучения чёрной души. Не облегчили терзания больно бьющегося сердца.

Толпа поминала парня по-своему. Выпивали и обсуждали, перешёптывались, улыбались. Что именно они говорили, он не понимал — до него доносились обрывки фраз, смутно знакомых слов. Так было, когда он сидел за столиком ресторана в Таиланде: тогда все говорили на разных, незнакомых языках. А здесь вроде бы говорили на родном, но на таком непонятном. Илья, запечатлённый на ней юным и беззаботным, грустным взглядом смотрел на окружающих с листа фотографии. Алексею пришлось использовать копию фотокарточки с паспорта — не нашлось другой, более подходящей. На ней он выглядел стражником, исполняющим роль

надзирателя. Юнец, никогда не сумеющий повзрослеть. Птенец, попытавшийся вылететь из гнезда и разбившийся об асфальт. И наказанием за непослушание стало смотреть на всех пришедших взглядом, полным печали и лишённым надежд.

В их небольшом городе любая смерть была поводом для праздника. Лица были ему знакомы до боли — те же самые, что приходили на поминки матери. Почти те же приходили и к другим. Сколько их придёт на сороковой день? Ноль. Это знал Илья, это знал и Алексей. Формальный повод разделить трагедию, в некоторой степени превращающийся в фарс. Любая оборванная жизнь — это всего лишь факт: пора пить водку. Они наедятся, напьются и разбредутся по домам, будут снова обсуждать машины, ремонт квартир, что нужно купить, где провести отпуск. Потом умрут они — спектакль повторится. Все всё прекрасно понимают процесс, но тем не менее продолжают следовать традиции. Будто где-то на том свете им зачтётся. Переживания переполняли нутро Алексея, он закинул в себя стопку. Жидкость прогрела пищевод, плюхнулась в животе и загорелась там, как подожжённый спичечный коробок. Чувства забурили. Требовали выхода наружу. Кипели, пузырились. Отец больше не мог спокойно сидеть. Он встал, шатаясь, из-за стола, десятки голов обернулись в его сторону — то ли опасаясь, что их выгонят, то ли желая выслушать. Алексей, опустив руки над столом, развёл их в стороны, ладони обратил лицом к сидящим

— Как так-то? — он ухнул филином. — Объясните мне... Вот вы мне объясните, что тут... происходит?

Никто не хотел ему ничего объяснять, отчасти не понимали сути вопроса, некоторые — из праздной лености. Лишь одна сердобольная старушка украдкой вытерла слёзы платком, вспоминая, как привезли её сына из Афганистана. Боль же была слишком похожа. Напоминала близнецов, похожих как две капли крови. Два одинаковых запаянных цинка.

— Вы хоть представляете, каково это? Сидеть вот тут, смотреть на вас, лицемеров, когда моего родного сына в запаянном цинке привезли. Мне на него взглянуть даже не дали. Сказали: — он сделал паузу, с трудом вспоминая те слова, — не на что там смотреть... Не стоит... Тело всё разворотило.

Парочка людей отвела взгляд, кто-то хотел запротестовать, но все понимали, что лучше молчать. Необходимо дать выговориться человеку, постигшему несравнимую боль утраты. Только пожилой мужчина с белесыми усами считал иначе:

— Лексей! — выдал он громко, скрипуче, с вызовом. Ударил тростью по полу.

— Молчать! — слово, как выстрел, вылетело из уст Алексея. Старик замер, оторопел от неожиданного сопротивления. Провёл рукой по усам, отвёл взгляд. Выступающий продолжил:

— Такой молодой и красивый. А его на первом же боевом

убили. Вот на фото посмотрите, красивый же, да?

Молоденькая девушка кивнула. Её ухажёр злобно стрельнул на неё глазами. А потом выпили оба.

— Не пожил же. Даже не повоевал. Просто убили... Не может быть же так. Не должно же быть так! Как это получается? — его тело била мелкая дрожь, кончики пальцев, прикасающиеся к столу, танцевали по поверхности.

Людям становилось некомфортно, застолье стало неловким. Возразить же не решались, отчасти из-за страха перед гневом и потому что общественная мораль требовала прощать и не обращать внимания на трёп скорбящего человека.

— Вы вот тут сидите, пожили, покушали, попили. Потом дождётесь, когда ещё молодого в землю кинут, и по новой кушать и пить. А разве это правильно? В этом суть поминок?

Пожилой мужчина с усами встал и побрёл в сторону выхода, перебивая тираду Алексея стуком палочки.

— Сидите, о своём судачите, имели бы хоть каплю уважения к моему горю. Имели бы хоть малейшее представление о том, как тяжело пережить собственного ребёнка. Но вам всё равно! Вас это не коснётся, да? Вечно будете жить, вечно пить? А вот хрен вам! По каждому из нас такие поминки устроят, по каждому.

Люди следовали за стариком. По одному и парами, все уходили и обсуждали, иногда осуждали случившееся. И только старая женщина, вытирающая слёзы платком, подошла к нему и обняла его.

— Знаю, как это тяжело. Понимаю твою боль. До сих пор не отпускает. Каждое утро вспоминаю своего Мишутку... Всё надеюсь, что не проснусь. Встречусь с ним на том свете.

Они говорили долго. На этот день он нашёл ту, способную унять мучения хоть и не навсегда, но на мгновенья, нужные ему для передышки, дабы не сойти с ума.

Старушка ушла. Алексей с досадой закрыл дверь просторной квартиры и направился в зал. Жилище роскошное, не только по меркам их городишка. Каждая комната обставлена по последнему слову моды, дорогие массивные люстры, шикарные вазы, реплики картин знаменитых художников, был даже домашний кинотеатр, купленный за несколько лимонов. У Ильи в комнате стоял компьютер с ценой в надёжный новенький мотоцикл. Он как владелец трёх из пяти магазинов в городе по продаже запчастей и комплектующих для автомобилей мог себе позволить частичку богатой жизни. И все эти убранства сейчас казались ему мрачными и тяжёлыми. Краски исчезли из позолоченного Будды, лежавшего в прихожей на шкафчике, а улыбка его стала издевательской. Точно сейчас повернёт голову и начнёт насмехаться.

Сувениры, привезённые с разных уголков планеты, не вызвали ностальгию, не будили светлые воспоминания о хорошо проведённом времени с близкими. Будто и не было этого никогда. Весь свет жизни залила густая, тёмная смола трагедий. Крамольная мысль пришла в его голову всего на секунду, но последствия были тяжело исправимые. Ему

почудилось, будто лучшим способом победить, справиться с тяжестью — разорвать нити воспоминаний, уничтожить то небольшое, что связывало их вместе, напоминало о них.

Тяжёлая рука замахнулась, смела сувениры с тумбы. Они с грохотом посыпались на пол, некоторые разлетелись на части. Оторопь захватила Алексея. Он упал и взвыл, мгновенно осознав, какую глупую ошибку сотворил. Стоя на коленях над разбитыми игрушками, значками, статуэтками и прочими безделушками. Смотря на сотворённый собою хаос и почувствовав такой же в душе. Ему почудилось разрушение крепости — памяти о жене и сыне. Поломав воспоминания, уничтожив светлые фрагменты жизни, ставшей теперь уже мрачной. Стерев, в момент слабости, эдакого малодушия, даже своё счастливое прошлое.

Он возненавидел себя. Зарядил оплеуху по собственной щеке, возжелав утихомирить ненависть к самому себе. Действие не привело ни к чему. Злоба от отчаяния кипела в его нутре. Ещё удар и ещё. Это не давало эффекта, только боль в деснах, зубах, в лице и покраснение щеки.

Озарение пришло к нему, будто само, без приглашения, в момент, когда ослабла боль от удара. Он начал подбирать с пола целые. Расставлять их по местам и вспоминать. Вот игрушечная змея чёрного цвета, её привезли из Таиланда, когда Илье исполнилось девять. Змеи были его слабостью, Алексей не понимал, почему он питает к этим мерзким холонокровным существам тёплые чувства. Отцу приходи-

лось постоянно следить за сыном, подбегаящим к каждой встречной змее, опасаясь, что одна из них окажется ядовитой. Так и случилось.

К счастью, кобра сидела в аквариуме и никак не могла причинить кому-либо вреда, кроме мышек, кидаемых ей на прокорм. Только кинулась на сынишку, ударилась о стекло и с позором уползла.

Тут миниатюрная версия — Эйфелева башенка: сломанная, ножка отвалилась (нашлась на персидском ковре совершенно случайно). Остроконечная верхушка откололась, к счастью, хоть лежать осталась рядом. Алексей в тот день устал фотографировать жену, гуляющую по настоящей башне. Её постоянные остановки утомили его тогда. Она тормозила, выбирала позу и фон, томно приговаривая:

— Сфоткай меня, пожалуйста, вот здесь! Такой прекрасный вид на Париж!

А вечером Илье досталась фигурка и пара игрушек — извинение за то, что не взяли его с собою на башню. Испугались, что Илья струсит высоты. Эти подношения лежали намного дальше осколков маленького привета из Франции. Красивый буклет цирка из Англии. Илье и жене он не понравился, а вот Алексею, напротив, пришёлся по вкусу. Он улыбнулся, разглядывая нарисованного усатого дядьку, держащего шляпу в руке, а из неё выглядывала голова слона. За ними стояли в разнообразных позах фигуры клоунов, акробатов и фокусников. Глава несуществующего ныне семей-

ства аккуратно расставил целые фигурки-воспоминания по местам. Затем принёс клей, склеивал между собою осколки. И так, сидя на полу, провёл весь вечер, пока не провалился в блаженный сон.

Там он видел огромные врата, способные вместить в себя внушительный танкер. Они светились позолотой и белым цветом. Ангелоподобные люди с крыльями сидели на вершухе, мерно качали ногами, пальцем указывали на стоящего рядом Алексея. Из-за высоты их речь не доносилась до него. Не мог он разобрать, о чём они ведут беседу. Казалось, отчего-то, что осуждают его за грехи. За какие — он не ведал, но узнать желал. Потому попытался забраться на врата. Руками зацепился за узор серафима, вырезанный на вратах, а другой рукой нащупал выемку в них. Подтянулся, зафиксировался, повторил.

— Ты ж, смотри, этот окаянный к нам ползёт! — сказал один из ангелов.

Они рассмеялись.

— Может, как доползёт, скинем его обратно? — сказал второй, и они дружно захохотали вновь.

Алексей не мог поверить в услышанное. Как же так, разве могут ангелы глумиться над людьми? Видимо, да — сделал он вывод, слушая о себе очередную шутку. Они смеялись ровно до момента, пока он не долез до них. Пальцы болели жутко, покрылись каплями и ручейками крови. Бросив на них взгляд, но никого не обнаружив, решил, что они ис-

парились. Забрался на верхушку, затряс ногами, подражая сидящим ранее, и засмеялся во весь голос.

На земле показалась чья-то фигура. Она выкрикнула несколько слов. Алексей не расслышал. Нагнулся пониже, дабы прислушаться. Кинул вниз просьбу о повторении, а затем потерял равновесие и устремился сам вниз.

Его просьбу повторили. Он открыл глаза...Алексей проснулся там же, где и уснул. Увиденного сна он не помнил. После пробуждения все образы и картинки улетучились. Осталась лишь одна фраза, подобная мантре, заикленно, навязчиво крутящаяся в голове, и до того странная, что даже не по себе от неё становилось ему: «К воротам рая приходящему отворота не бывает».

Подушечки пальцев болели. Руки перепачканы в засохшей крови, казалось, в тонких перчатках. Несколько капель упали на пол, а потом их размазали.

Он посмотрел на истерзанные ладони. Боль от многочисленных мелких порезов покалывала кисти, но была незначительной. Вытащил из-под большого пальца осколок фарфоровой статуэтки, откинул его в сторону. Присосался к побывавшей крови.

Ему говорили, что душевная боль часто заглушает физическую, а он, наивный глупец, не верил.

Отвечал просто: вот выстрелят тебе в коленку, посмотрю, как ты переживаниями боль заглушишь. Теперь эта истина ему казалась очевидной, неоспоримой, а его глупые выпа-

ды — по-наивному детскими. Не стоящими даже выеденного яйца. Пустым, ничего не значащим трёпом доморощенного циника, выдавшего из травм только ушибы да пару ссадин.

Ему хотелось, чтобы обе его коленки прострелили, да поставили на них. Можно и плечи, хоть яйца, пусть отрежут уши, выколют глаза. Что их душам угодно, сделают, лишь бы никогда не чувствовать этого. Верните ему жену и сына — и он примет любые физические муки, известные человечеству, и невысказанные даже самой извращённой фантазией. Алексей пришёл к соображению, что в этом болезненном состоянии он даже не заметит, как крысы объедают его ступни. Затем ошарашился — призадумался и обернул голову. Ноги оказались целыми. Он не выдохнул облегчённо, на душе не стало спокойней. Ему оказалось всё равно на себя и своё тело.

Через несколько часов, когда отпустила душевная боль, вместо неё пришла ничем не восполнимая пустота. А любые попытки заполнить её... — лить воду в чёрную дыру имеет больше смысла.

Боль можно выстрадать, пережить, переработать и заглушить. А вот ощущение бессмысленности, эту пресловутую давящую пустоту, тяжёлую как сто слонов, огромную как вселенная, не изгнать ни метлой, ни злым словом. Она поселяется в душе и остаётся там навеки вечные. Как вытеснить то, что не существует? Алексей не знал. Ведь даже после смерти, когда тело объедают до блеска костей черви и на-

секомые, внутри остаётся лишь одна она. Всесильная и всеобъемлющая, гуляющая посреди сгнившего, превратившегося в труху скелета. В подкорке мозга он понимал, что нужно отвлечься, не дать депрессии захватить разум и тело. Не поддаться порыву самоубийства — распахнуть окно и выйти. Глаза судорожно замельтешили в поисках вещи, способной занять тело и разум. Взгляд застыл на книге Стивена Кинга «Иногда они возвращаются». В голове сам по себе созрел образ вернувшегося с войны сына. Там он радостно вскидывает руки и кричит отцу:

— Батя, там в цинке не я был. Эти штабные крысы всё перепутали!

Затем Алексей задумался. Это ведь даже не похоже на манеру разговора сына... Будь всё так, то Илья бы пришёл домой, отворив дверь своим ключом. Сбросил с шумом рюкзак. Положил аккуратно в уголок. Далее топнул ногой пару раз: он всегда так делал, когда хотел привлечь внимание. Затем снял куртку. Повесил её на крючок. Увёл руки за спину:

— Ну, Батя, в общем, прости, что не писал. Не мог, война же. Там в штабе всё перепутали. Ты другого похоронил, мог бы и удостовериться, что я там лежу. Лень, что ли, было?

Это было уже похоже на него, но всё равно малость недо-стоверно. Щёки расцеловали слёзы: что ж я за отец такой, что даже не могу представить, как разговаривает собственный сын? Тщетные попытки вообразить не приводили к успеху, а, напротив, делали всё сложнее и взрывали тело тер-

заниями совести и сомнений. В таком духе и прошёл его вечер. В своих страданиях он перестал замечать, как меняются дни. В конце концов они слились в один длинный и нескончаемый день, без времени суток — из-за вечно задёрнутых штор. Питъё и пища стали ему безразличны. Простые радости, обыденные ритуалы, скрашивающие его жизнь, исчезли. Только пустота была его извечной гостьей. Кто-то приходил к нему, настойчиво стучался во входную дверь. Алексей не открыл. Не желал кого-либо видеть.

То, что он изредка употреблял ради того, чтобы не помереть с голоду, было безвкусным, пресным, пластмассовым. Основным занятием для потерявшего семью отца стало лежание на диване и осмотр потолка с бесконечным потоком экзистенциальных мыслей: «И ради чего я держусь на этой земле? Ради бизнеса? Да, он кормил меня и мою семью, но сейчас какой в нём смысл? Для чего он мне нужен? Чтобы не умереть с голоду. А когда меня не станет, кому он будет нужен? Что с ним станет? Магазины закроют, товары растащат продавцы и другие прохиндеи. А в принципе, пусть так, мне-то какое дело». Проблема бизнеса, когда ты одинок, в том, что он умрёт вместе с тобою. Счастливчики будут те, кто успеет продать своё дело до смерти. Хорошая цитата, записать бы в блокнотик. — прикинул он в голове. — Научить уму-разуму тех, кто ещё не столкнулся с тем, что испытал я.

Потом придумался слоган: «Алексей Соколов расскажет, что делать с бизнесом, пока вы не сыграли в ящик». Он ух-

мыльнулся. Неплохая была бы затея.

Призадумался. А ведь ещё каких-то пять-шесть недель назад никто не мог подумать о том, что всё обернётся вот так. Налаженный бизнес работал исправно, как механические часы. Только заключили контракт на поставку новых двигателей из Японии, по параллельному импорту, естественно. Санкции — дело тонкое, но там, где деньги, никаких преград нет. Разрабатывалась стратегия расширения. Выбиралось место для открытия новой точки. Жизнь кипела, текла в привычном русле. Исключением являлась контрактная служба Ильи на Украине. Алексей узнал о ней постфактум, ровно в последний день, перед отбытием сына на фронт. Илья тогда спозаранку подошёл к нему и сказал:

— Я сегодня на Украину воевать еду... Алексей растерялся, разинув рот, запустил гнев в свою душу. Говорить не хотелось, а вот кричать... И он дал волю чувствам. Сын посмотрел на него холодным, безучастным взглядом человека, принявшего твёрдое решение, не желающего отступать, и одновременно взглядом ребёнка, не хотящего слушать отца. Отец орал во всю глотку, утверждал, что никуда его непустит, но почему-то всё-таки отпустил.

Он задавался этим вопросом миллионы раз. Почему, зачем? Да только никак не мог найти объяснения. Видимо, ответ на этот вопрос находился в глубинном сознании, зарытый где-то в подкорке, а раскопать — значит узнать правду. Её-то он и боялся. Кто знает, что таится в глубине сознания?

Может быть, монстры и кошмары, равные ужасающим тварям со дна пучин, с тех самых мест, куда не попадает лучик света? А собственно, подумал Алексей, ведь если бы он знал, каков будет исход, то забетонировал бы двери, забил бы все окна, посадил бы его на цепь. Сжёл все военкоматы и пункты сбора. Сделал бы всё от него зависящее. И вместо сына отправился на войну. Только это не его разорвало снарядам с неба. Не его раскуроченное тело привезли в цинковом гробу. Не для него бензопилой выпиливали промёрзшую от холода землю. В гробу лежит не он.

Сын. Сын, сын.

Душа запищала щенком, только погода до него дошло — скулит он. Представилось, как он раскапывает могилу сына. Клещами выдёргивает гвозди, ломиком вскрывает гроб, вытаскивает на свет божий труп, поднимает останки над собою и произносит:

— Ты иди, живи, а я вместо тебя лягу.

И мёртвое тело трансформируется: переломанные кости срастаются, на месте вырванного мяса нарастает новая плоть, лопнувшая кожа снова обтягивает тело, отрастают выжженные волосы. Алексей же, наоборот, взрывается брызгами крови, костной крошки, глаз. Превращается в бесформенный мешок внутренностей, падает в гроб и лежит века вместо сына своего Ильи, пока тот устраивается на работу, находит любовь, женится на ней, заводит детей, строит дом.

— И выращивает дерево, ага. — пробурчал под нос Алек-

сей, смотря в потолок.

Радость — это когда есть близкие, способные утешить в самую печальную минуту. Великое горе — когда твои слова никому не нужны. Что толку от всех богатств мира, если единственное настоящее сокровище разорвало дроном, распластав кишками по земле. За миллионы тело не сшить, за миллиарды не воскресить, а за триллионы...

Соколов уснул. Снова снились ворота. Он подошёл к ним, и двери распахнулись, снесли его — он отлетел на неизвестное расстояние. Полёт оказался долгим, рядом проносились люди с поминок, махали рукой, поднимали стаканы, полные водки, смеялись над ним. Он летел, а затем врезался в дерево. Больно ушиб лопатки, вскрикнул и, кряхтя, встал, держась рукою за больное место.

Ангелоподобные люди окружили его, достали оружие: серпы, молоты, вилы и топоры. Грозно смотрели на хулигана, нарушившего их покой. Надвигались. Смирившись со скорой смертью, Алексей закрыл глаза и приготовился умирать.

Раздался рокот пулемёта. Глаза машинально открылись желая рассмотреть, как белые рубища надвигающихся рвались в клочья, окрашивались в красный. Как их тела падали на землю. Вдалеке Алексей увидел сына за пулемётом «Максима». Тот ему что-то кричал, но отец никак не мог разобрать. Он побежал к продолжающему стрелять сыну, а потом взрыв, вспышка и громкий крик... Он снова проснулся, ничего не помня, ни одного фрагмента.

Только та же самая фраза кружилась у него в голове: «К воротам рая приходящему отворота не бывает».

Иногда они возвращаются

Со временем Алексей понял — так продолжаться не может. Никто не вправе запретить продолжать лежать и истощать свой организм в ожидании медленной смерти. Можно пустить себе пулю в голову в противоположность предыдущему. У смерти много лиц! Кто-то предпочтёт таблетки, кто-то — висеть на люстре. Только какой от этого толк? Как бы оно ни было, но существование продолжается. Да, серое, унылое, лишённое красок, но жизнь — штука такая — стоит того, чтобы продолжить её жить. Несмотря на то, что солнце теперь похоже на протухший яичный желток. Даром что от него не пахнет. Давно уже приехали моторы из Японии, их выгрузили, выставили на прилавок, разложили по складам, развесили ценники. Теперь время оплаты счёта. Телефон разрывался от звонков: кому-то требовалась помощь, кто-то нуждался в совете, ну и куда без этого — нужно было оплачивать счета. Праздношатающиеся без присмотра продавца скорей всего обленились. Вполне вероятно — стали подворовывать. За ними нужен глаз да глаз. А раз так, то точки скорей всего пришли в запущение, нужно организовывать проверку, заставлять кладовщиков проводить инвентаризацию. Не забыть встряхнуть бухгалтерию. Продумав до мелочей план, Алексей наконец встал с кровати. Ощутил противный запах, исходящий от собственного тела. Ноги с непри-

вычки с трудом удержали его. Проковыляв до душевой, приняв таблетку обезболивающего, лёг в ванную с едва тёплой водой, погрузился в неё с головой. Желания вынырнуть не было, пока не запротестовали лёгкие и не вытолкнули его навстречу воздуху.

Потихоньку начали возвращаться вкусовые рецепторы. По крайней мере из-за них он понял, что вся еда в доме испортилась. Заказал доставку, вызвал клининговую службу, распахнул шторы. Обвыкшая на местности темнота нехотя отступила под давлением солнечного света.

Лучи щекотали лицо и глаза. Зажмурился. Его измождённое недоеданием и стрессом тело вытянулось, будто навстречу им. Отросшая небрежная борода кольнула шею, испортив момент наступающего наслаждения. Тем не менее Алексей решил для себя — буду жить, всем чертям назло. А дальше, а там как карта ляжет. Дела в бизнесе быстро уладились. Японские поставщики наравне с клиентами остались довольными. Потихоньку подготавливалась почва для продажи лишних точек. Отпала нужда в больших деньгах, они стали как-то неважны. Всю жизнь горбатился ради них, а в итоге? Как у Пушкина в сказке про бабку, деду и золотую рыбку. Остался у разбитого корыта, возле кладбищенских памятников и могилок с роднёй. В конце оказывается мало что важным. Хоть и не собирался он сейчас помирать, но мысли о смерти посещали его голову с завидной регулярностью. Было дело, он чуть не сорвался, стоял возле дороги, а

навстречу ему нёсся гружёный чем-то грузовик. Алексей и не заметил, как шагнул в его сторону. Какой-то порыв, словно ветра, подтолкнул его к проезжей части, но он сумел совладать с собою, остановился на самом краю пропасти. Удивлённые глаза водителя запомнились ему навсегда.

Порою обдумывались планы об усыновлении. А что, взять карапуза из детдома. Вырастить его, избегая ошибок, совершённых при воспитании Ильи, и главное... не отпустить на войну. В оконцовке он приходил к выводу, что это всего лишь жалкая попытка повторить всё изнова. Мол, не смог воспитать, погубил родного сына, так вот возьму и исправлюсь, отыграюсь на детдомовском. От таких мыслей становилось тошно. Кислятину во рту приходилось запивать водкой. Иногда задумывался, а может, жениться? Чем чёрт не шутит! И снова ловил себя на мысли, что это просто будет очередная попытка исправить совершённые в прошлом ошибки. В очередной раз намереваясь запить неприятный привкус во рту, он остановился, посмотрел на полную стопку водки и вылил её в раковину, вслед выплеснул и бутылку.

Илья, конечно, не забылся, как и боль никуда не ушла, но время же лечит! Правда ведь? Алексей учился существовать с болью. Чувствовал себя младенцем, делающим первые шаги. Только если маленькое чадо при неудаче падает, то Алексей тоже, бывало, падал, держась за сердце, чаще всего оно просто болело, и он, замерев, с силой зажмуривал глаза, иногда до рези, вызывающей слёзы, с надеждою, что сердце

остановится. Так он и прожил до знаменательного дня, круто повернувшего его историю. Оказалось, что пережить семью — только начало испытаний, дальше станет сложнее. Всё началось с календаря.

На нём появилось тридцать восемь крестов, перечёркивающих даты. Через час предстояло перечеркнуть ещё одну, и тогда оставался всего день до обведённого в кружок дня — сорокового. Алексей отвёл взгляд от календаря, опустил глаза в пол. Не желалось ему больше соблюдать традиции, кормить кучу ртов, плевавших на Илью с большой колокольни. Он до этого позвонил Марии Анатольевне — бабушке, потерявшей сына в Афганской войне. Позвонил двум своим лучшим друзьям, хоть и сомневался в них, на девять дней, они оба не пришли. Обзвонил ту пару друзей Ильи, но они отказались, сославшись на очень важные дела. Незатейливый вывод сложился просто: провожать будут двое — он и Мария. Может, оно и к лучшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.